

Многообразие традиций и единство
образовательного пространства

ЭТНО
Э МЕТОДОЛОГИЯ

*проблемы
подходы
концепции*

6

RUSSIAN MINISTRY OF CULTURE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF CULTURE

Этнометодология * 6

Diversity of traditions and unity
of educational space

Этнометодология
проблемы, подходы, концепции

Вукинич

Moscow 1999
Москва 1999

RUSSIAN MINISTRY OF CULTURE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF CULTURAL AND NATURAL HERITAGE

*Diversity of traditions and unity
of educational space*

Ethnomethodology: **problems, approaches, concepts**

Volume 6

Moscow 1999

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РОССИЙСКИЙ НИИ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ

*Многообразие традиций и единство
образовательного пространства*

**ЭТНОМЕТОДОЛОГИЯ:
проблемы, подходы, концепции**

Выпуск 6

Москва 1999

Редакторы-составители

А.А. Пископелъ
В.Р. Рокитянский
Л.П. Щедровицкий

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 6
Многообразие традиций и единство образовательного пространства
М., 1999.- 152 с.

ISBN 5-86443-045-5

«Этнометодология-6» в жанровом отношении продолжает традицию, начатую третьим выпуском — это запись бесед «за круглым столом», а в предметном — следует проявившейся уже тенденции к расширению и углублению исходной тематики «этнического» за счет вовлечения родственных планов и контекстов.

Тема очередного «круглого стола» — «многообразие традиций и единство образовательного пространства».

In respect of its form «Ethnomethodology-6» carries on the tradition which began with the 3d issue of our edition: it is a record of round-table talks; as to its subject it follows the manifest trend towards extension and deepening, through drawing attention to related planes and contexts, of the primary subject of the «ethnic».

The theme of the published round-table talks is «diversity of traditions and unity of educational space».

Содержание

От редакторов-составителей6

Многообразие культурных и духовных традиций и единство образовательного пространства

Беседа первая.....9

Беседа вторая62

Беседа третья103

Contents

Editors' Foreword6

Diversity of traditions and unity of educational space

Session one.....9

Session two.....62

Session three.....103

«Этнометодология-6» в жанровом отношении продолжает третий выпуск нашего сборника: это запись бесед «за круглым столом», а в предметном – следует проявившейся уже тенденции к расширению и углублению исходной тематики «этнического» за счет вовлечения родственных планов и контекстов.

Откуда взялась такая тема — «многообразие традиций и единство образовательного пространства»? Возможны два рода ответов на подобный вопрос. Можно попытаться показать актуальность предмета, объяснить, чего ради было потрачено время на его обсуждение. Или же рассказать о предыстории «круглого стола» и о предшествовавших событиях, которые ближайшим образом мотивировали его участников. Мы ограничимся вторым вариантом ответа — с надеждой, что этим что-то будет сказано и о содержательном генезисе дискуссии; остальное — в тексте самих бесед.

Во-первых, следует напомнить о состоявшемся в январе-феврале 1995 г. «круглом столе», посвященном диаспоральным формам существования этнического; его материалы опубликованы в «Этнометодологии-3» (1997). Четверо из собеседников 1995 г. (О.И.Генисаретский, А.А.Пископель, В.Р.Рокитянский и Р.И.Спектор) участвуют и в публикуемом здесь обсуждении. Кроме того, именно тогда из уст О.И.Генисаретского прозвучало имя такого субъекта исторического процесса, как

In respect of its form «Ethnomethodology-6» carries on the tradition which began with the 3d issue of our edition: it is a record of round-table talks; as to its subject it follows the manifest trend towards extension and deepening, through drawing attention to related planes and contexts, of the primary subject of the «ethnic».

Where did such a theme come from — «diversity of traditions and unity of educational space»? There are two ways to answer to this question. One might try to show the actuality of the subject, explain why has the time been spent on the discussion. Or one might tell the story of these round-table talks and of the events which preceded them and motivated the participants. We shall limit ourselves to the second variant of answer hoping that thereby something will be told on the idea of the discussion as well. Everything else is to be found in the talks themselves.

First we should remind of the round-table talks which have taken place in January and February of 1995 and were dedicated to diasporic forms of ethnic being. They were published in «Ethnomethodology-3» (1997). Four of the 1995 talkers (O.I.Genisaretsky, A.A.Piskoppel, V.R.Rokitiatsky and R.I.Spector) participate in the now published discussion as well. Besides, it was then that this historical subject, 'theo-ethno-cultural' (or 'ethno-cultural-religious') traditions, was named for the first time by O.I.Genisaretsky.

«тео-этно-культурные» (или «этно-культурно-религиозные») традиции.

Второе предприятие, заслуживающее в этой связи упоминания, начало быть 16 ноября 1996 года в голубой гостиной Московского дома ученых. Там, под нагруженной ассоциациями (для кого иронически, для кого серьезными) вывеской «Московского Римского клуба», весь 1997 год проходили ежемесячные встречи людей, объединенных интересом к философским и стратегическим проблемам общего образования¹. И уже на первой встрече был сформулирован тезис: обсуждая образование как преимущественную сферу антропогенеза, нельзя миновать обращения к опыту традиций, чьим делом и было формирование человека на протяжении большей части истории, — к «психопрактическому опыту, который существует в разных традициях и общинах» (доклад О.И.Генисаретского «Гуманитарные вызовы образовательному сообществу» на первом заседании Клуба). И хотя сформулированная в этой связи программа последовательного ознакомления с педагогикой разных тео-этно-культурных традиций осуществилась лишь в малой степени (по существу, лишь в докладе В.В.Маливина² о традиции древнего Китая), но тема традиций, проблемы их соот-

The second enterprise which deserves mentioning in this connection takes its origin on November 16, 1996, in the «blue chamber» of the Moscow House of Scientists. There, under the sign laden with associations (for some people ironic and for some serious) of the «Moscow Club of Roma», throughout the 1997 monthly meetings of those interested in the philosophic and strategic problems of general education were held³. A thesis was advanced already at the first meeting that when we discuss education as a primary area of anthropogenesis we cannot avoid addressing the experience of traditions whose responsibility the human education has been throughout the major part of history — addressing the «psychopractical experience present within various traditions and communities» (O.I.Genisaretsky's report «Humanitarian challenges to the educational community» at the first meeting). And though the program advanced in this connection was realized only to a small extent (actually, only in V.V.Maliavin's report⁴ on the tradition of the ancient China) but the theme of traditions, the problems of their relation to innovational processes, the legal, economical, psychiatric aspects of their being have

¹ Отчеты о заседаниях Клуба, составленные В.Рокитянским, публиковались в разделе «Педагогическая провинция» журнала «Открытая политика» (1997 и начало 1998 гг.) и в Интернете на сайте «Гуманиора» (pinskij.aha.ru).

² Открытая политика. № 2-3 (18). Март 1997. С. 61–64.

³ Reports on the Club meetings by V.Rokitian-sky were published in the 'Pedagogical province' column of the magazine 'Otkrytaya politika' (1997 and the beginning of 1998) and also on the Internet site "Humaniora" (pinskij.aha.ru).

⁴ Otkrytaya politika. N2-3 (18). March 1997. P. 61–64.

ношения с инновационными процессами, юридические, экономические, психиатрические аспекты их бытия оставались в поле внимания на протяжении всего времени существования Московского Римского клуба.

Клуб еще здоровствовал и с оптимизмом смотрел в свое будущее, когда родилась мысль обсудить эту важнейшую тему — «традиции и образование» — в более интенсивном режиме и более тесном кругу. Остается сказать, что замысел этот осуществился и слегка отредактированную расшифровку аудиозаписи «круглого стола» (состоявшегося, как и беседы о диаспорах в деревянной избе Зачатьевского монастыря близ Остоженки) мы предлагаем теперь вниманию читателей.

been within the field of attention throughout all the time of the Club existence.

The Club was quite well yet and looked forward with optimism when an idea has been born to discuss this most important theme, «traditions and education», more intensively and within a closer circle. It remains to tell that this plan was realised and that a slightly edited paper record of a tape of the round-table talks (which took place just as the talks on diasporas in the izba within the walls of the Conception monastery near Ostozhenka) is now presented to our readers' attention.

Многообразие культурных и духовных традиций и единство образовательного пространства

Беседа первая

А.Пинский. Прежде чем мы начнем, хочу напомнить, что сегодня у нас только первая сессия, первое заседание «круглого стола», посвященного образовательной тематике. В каком-то отношении его работа должна стать, по нашему замыслу, продолжением работы Московского Римского Клуба (МРК), попыткой организации другой формы коммуникации, отличной от клубной, с ее докладами и их обсуждениями. Но из этого не следует, что наш «круглый стол» — подразделение и простое продолжение МРК, происходящее на нем может иметь вполне самостоятельное значение.

О жанре этой встречи. Предполагалось, что она не будет открытой, публичной. Наоборот, мы будем сначала собираться достаточно узким кругом и только после наработки новых идей, наметившихся продвижений, расширим круг участвующих. Другими словами, жанр сегодняшней встречи — круглый стол с перекрестной дискуссией.

Каждый, кто захочет взять слово, получит для начала примерно четверть часа для первого изложения своих взглядов на заявленную тему. А эта заранее объявленная тема звучит так: «Многообразие культурных и духовных традиций и единство образовательного пространства».

О.Генисаретский. Одно добавление к регламенту сегодняшней встречи: предлагаю, чтобы в первом круге выступлений каждый оратор, помимо изложения своих концептуальных взглядов, обозначал предмет своего социально-прагматического и/или экзистенциально-прагматического интереса к объявленной теме «Традиция и образование», чтобы все мы могли бы на эти высказанные самоопределения в дальнейшем ориентироваться. Возражений нет?

Теперь я, как было договорено, произнесу вступление к нашей дискуссии, напомнив, в частности, некоторые положения, сформулированные на круглом столе по диаспорам.

Первое, на что мне хотелось бы обратить внимание: в повседневном, да и научном языке словом «традиция» обозначается нечто совершенно *безразмерное*.

С одной стороны, оно употребляется по отношению к «большим» предметным полям, содержащим много чего разного, непонятно на каком основании объединяемого. Скажем, на дискуссии по диаспорам использовался такой мегаконцепт, как «этно-культурно-конфессиональная традиция». Это словосочетание относится к чему-то очень масштабному (в историческом времени), к таким макросам как, например, диаспоры,

правовой артикуляции повседневной жизни, начиная от того, как заключать трудовые договора, как заполнять налоговую декларацию... и кончая тем, почему это нужно делать. Это вторая универсальная рамка. В связи с этим не откажу себе в удовольствии процитировать «Основы педагогики» Гессена. В приложениях к этой книге, написанных уже в 40-е годы, в последнем издании, есть замечательный пассаж про различие культурологического и духовного воспитания: «принимая общественное бытие, право сообщает отношениям властвования черты духовной жизни, социальной жизни сообщает черты духовного общения, спиритуализирует власть и персонализирует членов социальной группы».

У права есть своя ценностная и духовная функция. И в этом его качестве оно, как и эстетическое воспитание, есть исходная рамка. А в ней, пожалуйста, гетерономия. Системы права разные: есть шариат, есть левират, а есть каноническое право, церковное, которое совершенно иначе устроено и, кстати сказать, не пересматривалось тысячу лет. И через правовую рамку, через правовую рефлексию привходят разные способы осуществления традиции.

И третье — это психопрактические компетенции, то, что я называю психопрактики духовной жизни. В чем, по-моему, половина смысла того, что предполагает делать В.Р.Рокитянский, — это выявление религиозно-культурных универсалий: священная книга и просто книга, священный образ и просто образ, священное пространство и просто пространство, священное слово и слово в литературе и в повседневности и т.д. Хотя бы вот эти различители: вот книга на моем столе, а вот книга на амвоне, книга, вычитываемая в кругу литургического времени. Это разные способы бытования книги, и каждый раз у нее, как факта культуры, другой смысл. И это не есть индоктринация, погружение в традицию, а предуготовление к ее восприятию.

А.Пископпель. По смыслу, на моем языке, это и будет мораторий. По отношению к каждой конкретной форме традиционности.

О.Генисаретский. Это то, что называется *предоглашением*. Культура и образование имеют функцию *предоглашения*. До притвора — культура, за притвором — оглашение (до акта крещения), потом просвещение (включение в круг таинств).

Заглянем в «Педагог» Климента Александрийского. Кто есть педагог? «Наш Педагог, любезные мои, подобен Богу, Своему Отцу, которому Он является Сыном», т.е. педагог — это сам Спаситель. И только затем речь может идти о служении учительства в Церкви.

Это — не Закон Божий в качестве школьного учебного предмета. Это практикум воцерковления и литургической жизни в Церкви.

Я собрал кучу свидетельств, почему и как крещенные люди расцерковлялись в XIX веке. Академик-востоковед Алексеев и С.Булгаков — самые яркие примеры. У юного С.Булгакова, сына священника, в детстве благочестивейшая жизнь, покуда не попал он в семинарию, откуда многие поповичи атеистами выскакивали, как только с «Законом Божиим» и школьным бытом вступали в отношения...

Р.Спектор. Попытка ложным образом институционализировать...

О.Генисаретский. Зато пятерка по Закону Божьему была у юного Ульянова-Ленина. П.А.Флоренский был против преподавания Закона Божьего в школе по этой же причине. Вера в качестве учебного предмета, тем более обязательного, — это что-то противоестественное. Любые другие живые формы, кроме этой. Но именно ее продвигают в школу наши псевдофундаменталисты.

А теперь еще раз про традицию. Цитирую Паскаля, рационалиста и одновременно мистика XVII века: «Ничего нельзя познать из дел Божьих, если не принять за правило, что Он хотел ослепить одних и просветить других». И далее — призыв уйти из освещенных мест, т.е. из мест просвещения, из «локуса сознания», ибо свет, естественный свет разума лишь выявляет ложь, и вновь возлюбить «тьму», не тьму сатанинскую, конечно, но тьму как локус, местообитание таинств, таинственности.

Очень острое суждение? Рядом с ним много чего другого сказано, но, согласитесь, традиция — это нечто радикально другое, чем «сознание» в декартовско-кантовском смысле, чем секулярный мир Просвещения.

Разве современная нам готовность к прорывам в мир сновидений, медитаций и трансов, оккультных и «восточных» экспериенсов, трансперсональных феноменов, или психологических виртуальных реальностей типологически не сродни почувствованной тогда Паскалем страсти к погружению «во тьму»? Что подстерегает нас, как частных лиц или работников образования, в мире, конституируемом этой страстью?

Что делает школа, что она может или должна делать в отношении контактов ребенка с его собственным бессознательным? Предохранять его от самого себя, от встречи с собой? Развивать способность к целепильным или творческим, жизнесообразным контактам? Станет ли она просветительской школой, но уже не для механического декартовско-ньютонианского, а для гуманитарного, культурно-психологического и культурно-экологического мира?

Ведь может получиться так, что не какая-то известная традиция придет и будет тебя оглашать, а что-то монструозное попреет из непроработанного бессознательного (твоего индивидуального или социально-коллективного). Психические феномены привходят в жизнь в порядке

спонтанного опыта: либо из общения с другими людьми, либо из собственного бессознательного.

Психопрактическое образование/воспитание, наряду с эстетическим и граждански-правовым, — вот что, по-моему, настоятельно необходимо, чтобы адаптировать современного человека к тому миру, в котором он живет, чтобы сделать его готовым к безболезненному и полноценному бытию в нем. По крайней мере *готовым*.

И последнее, то, про что говорил г-н Спектор или г-н Пинский, на примерах с выкрестами. Вообще-то говоря, самый сильный вопрос таков: традиционализм — с родовым сознанием или без такового? Традицию, допустим, еще можно осмыслить как содержание образования и превратить в предмет преподавания, а с родовым сознанием все не так просто.

Родовые отношения мыслимы вместе с жизнесмертными отношениями, за ними и перед ними. Кстати сказать, нынешняя концептуалистика мирового порядка и экологическая концептуалистика, признав права будущих поколений, близко подошли к этому именно пониманию родовых отношений. Права будущих поколений в экологической рамке признаны. Мы должны вести себя так, чтобы не нанести ущерба будущим поколениям, т.е. всем еще не рожденным людям. Последовательный традиционалист только добавил бы к этому: мы должны вести себя так, чтобы не нанести ущерб предыдущим поколениям. Тот же Паскаль об этом прекрасно писал. Реалии родовых, жизнесмертных отношений таковы: не тогда человека помещают в традицию, когда его оглашают, — он в нее помещается в ходе родотворного действия, в момент зачатия. Кому (о чем) молятся при этом, тому он и будет уроднён. Его душевные и духовные качества закладываются в это время и зависят от расклада звезд, от того, что за святые и ангелы-хранители при сем присутствуют с обеих сторон и т.д. А для будущего: какой ад ты себе выбрал, в тот ты и попадешь.

Р. Спектор. Мы согласны с тем, что нет ничего странного в том, что дети походят на своих родителей. Выражением лица, повадкой схожи. Посмотришь на человека — он вроде бы из этого клана. Но мы признаем и то, что вменены ему не только черты лица, но и что-то, что называется «коллективным бессознательным». Оно есть, оно неустранимо, и это не просто наша беспомощность перед остаточным содержанием, которое надо отрефлектировать — оно рефлектируется непрерывно. Чем больше его рефлектируешь, тем больше его остается.

Мораторий должен быть объявлен не на это. Исполненность этим, небоязнь этого должна быть оболочкой любого позитивного просвещенного содержания, независимо от того, называешь его знанием, навыком, умением, способностью или чем-либо иным. Иначе это будет большая ложь, а не просвещение.

А.Пископнель. Мораторий не есть неведение, поэтому этот тезис неправильный.

Р.Спектор. Мораторий я в данном случае воспринимаю как некую «защиту от». А вот защиты от этого (корпоративного) ты не можешь, не смеешь иметь.

А.Пископнель. Это зависит от точки зрения. Ваша небоязнь и просвещенность в одной традиции есть ложь и бесовское наваждение с точки зрения другой. А мораторий есть просвещенность в отношении традиционности как таковой. Вот я, слушая Олега Игоревича, вижу, что он говорит от имени некоторого дорогого ему опыта и демонстрирует способ оформления собственного и содружественного опыта. Ну, есть такой опыт и он требует оформления. Но есть-то он далеко не у всех, он не общезначим. У меня его нет и проблем таких нет. Плохо это или хорошо — другой вопрос. Ну, не прет из меня бессознательное и снов практически не вижу, а если и видел, через пять минут забываю. Это Юнг всю жизнь видел сны и «дурью» мучался — что они означают? Да ничего они не означают. Какое употребление им придумаешь, то и будут означать.

Р.Спектор. Поэтому, в отличие от корпорации, я хочу изгнать ведомство из школы, где мы сосредоточены на каком-то содержании. Для того, чтобы воспроизвести ведомство или институт, как технологичную «корпорацию», ситуативного и сиюминутного (с исторической точки зрения) характера, всегда найдется форма: сам этот институт или технология достаточны для того, чтобы вовлекаемый в него мог бы все необходимое повторить, симитировать.

Можно сесть в автомобиль и научиться управлять им, не зная законов работы двигателя внутреннего сгорания. Сидя у компьютера, дети очень быстро научаются пользоваться им, ничего не понимая в его физическом и электронном устройстве.

Я не фундаменталист и не окаянный проповедник, но если человек входит в школу в качестве учителя, — он должен быть свободным от комплекса неполноценности, что он-де является носителем какого-то корпоративного опыта или какой-то традиции. Наоборот, он должен уметь сделать ее ресурсом для своего преподавания, если мы не считаем, что ему нужно преподавать только мхи и лишайники, бином Ньютона и т.д.

И последнее. Я хочу солидаризироваться с Олегом Игоревичем и в отношении того, что трансляция духовного опыта — не универсально конвертируема. Мы не можем его передавать в институтах, придуманных после того, как мы испугались восстания этих корпораций. Если ты православный, то для того, чтобы воспитать православного, крести его, и это может быть только один раз, и не следует бояться, что при этом он лишается девственности; это понятно, это необратимая вещь. Жизнь и

строится на таких необратимостях. Ты должен вести его в церковь, а не на урок закона Божьего, что есть чушь собачья. И вся эта катехизация, сведение к считалочкам может носить только остаточный, а не предельный и не нормальный характер.

А. Пископпель. Ну, есть проблемы религиозного воспитания и образования... Но не у общеобразовательной школы, о которой мы тут толкуем.

А. Пинский. У меня есть одно замечание, оно мне кажется существенным. Олег Игоревич начал с одной позиции — что не следует говорить теологемы — и завершил тоже каким-то пассажем. Я по первой позиции с ним согласился, мне кажется, я могу согласиться и с его завершением, и вот в каком смысле. Братцы, реальные духовные традиции друг с другом не конкурируют, они не бодаются, они не говорят: я царь горы, я залезу на второй ярус. Бодаются, грубо говоря, концептуалисты традиций, политики, экономисты, корпоранты. Понимаете, традиции не конкурируют.

Я приведу пример, который я уже сегодня приводил. Например, антропософская традиция. С точки зрения своей концептуалистики, она очень жестко себя противопоставляет всему иному; не дай Бог, если в антропософской корпорации ты скажешь, что духовный опыт перинатальных переживаний по Грофу или наблюдение летающих тарелок, или православный опыт, неважно, — что он обладает какой-то высокой ценностью и родственностью с каким-то антропософским опытом. Доктрина, концептуалистика, институция совершенно этого не потерпит, она очень четко должна себя концептуально обособить и дистанцироваться от всего непартийного, не принадлежащего к данной партии. Но отдельные люди — я не могу этого доказать, но по жизни, насколько я вижу, отдельные люди, которые действительно до какой-то степени приобщаются к духовному опыту внутри данной традиции, совершенно спокойно едут в Китай, общаются с буддистами, находят свое глубокое содержание и симпатию к высоким или просто реальным, пусть не высоким, представителям в православных церквях, они находят интересные контакты с католицизмом.

Я больше того скажу: ведь на самом деле этот европейский рационализм — тоже определенный духовный импульс, тоже своя традиция. И какую он имеет концептуальную оболочку — это одно, а что там живет внутри — это другое.

Молодой Штейнер в свое время — интересная была ситуация — вступил в сильный конфликт и бодание с теософами, потому что он написал статью об Эрнсте Геккеле, исключительно высоко оценивая его и говоря, что теория эволюции Геккеля — это исключительно духовно содержательная теория, в которой в заниженной форме выражаются вели-

чайшие истины мировой эволюции. На него накинулись теософы: как так? Геккель — материалист! Он им: вы ни хрена не понимаете, в его материализме намного больше духовного содержания, чем в вашем учении о верхнем и нижнем Девахане. И в этом смысле я согласен поостеречься от всяких теологем, но мне кажется, хорошо бы было в этом разговоре о традициях также время от времени избегать каких-то необратимых формулировок типа: «Хрясь — попал в ад. Туши свет». Откуда мы знаем, попал в ад — не попал в ад? Это сложный вопрос. Я хочу закончить тем, с чего я начал. Традиции не конкурируют.

В.Рокитянский. А как же «хазарская полемика»?

А.Пинский. Лесков правильно написал, как Иван-православный подружился с Абрамом-жидовиным.

Р.Спектор. Весь пафос диалога, который сейчас состоялся, заключается в том, что право в отличие от нрава ограждает — это к вопросу о толерантности или агрессивности традиций — человечество, которое вдруг становится нам чем-то близким, благодаря пониманию единственно правильной политики, которую мы знаем, — политики геноцида. Не было никакой другой практики в разрешении соседских споров, и она, как некая вмененная «ценность» дошла до наших дней. Крестьянство, кулаков уничтожали как класс только одним образом: ставили к стенке и расстреливали, потому что было понятно, что иначе задачу не решить. Корпорацию нельзя устранить.

А.Пинский. Что не устранимо?

Р.Спектор. Крестьянство, которое противоречит большевизму как некоторой доктрине.

А.Пинский. А какое имеет отношение политика к духовной традиции?

Р.Спектор. Политика всякий раз отправлялась от какой-то духовной установки.

А.Пинский. Ну, об этом чего говорить? Да, инквизиция жгла людей, но какое это имеет отношение к христианской духовной традиции?

О.Генисаретский. Я еще раз возвращаюсь к правам повседневности и к обсуждению вопроса о рационализме. Все это гнездится в каких-то очень странных сюжетах, которые вообще не попадают в культуру. Вот, к примеру, очень близкий мне случай, можно сказать, почти семейный. Умирает муж, жена идет в похоронное бюро. И ей говорят: знаете, гроб, который вы заказали, маловат для покойника. Она — женщина душевнейшая, правильная до безобразия — говорит: «Пилите». — «Что

пилить, ноги?» — «Пилите ноги». Гроб-то уже куплен, не рационально гроб выбрасывать и покупать новый, проще отпилить ноги. Поведение сугубо рациональное с точки зрения всех рациональностей, кроме одной — что с покойником так обращаться нельзя. К чему вот это «кроме» относится? Оно относится к чему-то, что не укладывается ни в какие рационализмы.

А.Пинский. . И что абсолютно постижимо и для православного, и для жидовина, и для физтеховца, и для кого угодно — что это нечто нехорошее.

О.Генисаретский. Да, нехорошее, небогоугодное. Откуда это протекает, из какого сознания? Откуда идет это узнавание? Ведь этому противостоит рациональное. Если рационально отпиливать, тогда рационально и сбрасывать с вертолета, как в Чечне происходило. Тогда наши генералы-воины правы: зачем возиться с этим.

Р.Спектор. Это локковская идея, которая была реализована при завоевании Америки — *tabula rasa* — убить или в резервацию. А как по другому? По-другому — никак.

А.Пископнель. Но когда-то людей и ели, между прочим.

О.Генисаретский. Так и едят.

А.Пинский. Нет, подождите. А что, если мы выдвинем какой-то концепт, что, мол, перебив ноги покойнику, мы отнимаем у него способность на том свете убежать от диких зверей или чертей и поэтому пилить нельзя, — это что, этическое оправдание?

О.Генисаретский. Реальности, с которыми мы имеем дело, то, что мы сейчас означковываем как традиции, — это реальности такого рода.

А.Пископнель. Это и есть культурно-антропологические прототипы.

О.Генисаретский. Или проблема абортов. Когда вселяется душа? Если одна традиция говорит, что она вселяется на третьей недели, аборт не есть убийство. А ежели она с момента зачатия там, то это убийство. И так далее.

Р.Спектор. Традиции выстраиваются в очередь — от нуля и до...

О.Генисаретский. Это поле, в котором мы имеем дело с такого рода изначальными реальностями.

А.Пинский. Стоп, корректив! Утверждение, с которого вы начали — что мы говорим о каких-то трудно уловимых реалиях, которые не имеют представленности в широкой культуре — эта оговорка не снима-

ет подобный подход, потому что, действительно, различные духовные реалии и импульсы...

О.Генисаретский. В культуре, сознании и школе, соответственно.

А.Пинский. Я знаю женщину, которая сделала аборт и потом решила покончить с собой. Ее спрашивают: почему? — Мне совершенно отчетливо явилась душа этого дитяти и сказала: ты со мной сделала ужасное дело, я должен был родиться, а ты меня убила... Если у нее было такое переживание, то какая разница, постановит ей одна внешняя традиция сорок дней или другая традиция постановит двадцать один день?

О.Генисаретский. Во-первых, вопрос в том, с какими реальностями мы имеем дело. Далее, каковы способы их отработки. Отработки этого переживания. Его можно отрабатывать терапевтически — одним способом, другим способом и т.д. Важен факт этого переживания и что с ним можно сделать. Потому что дальше маячит вопрос о грехе и возможности его отпущения и т.д. Как надо работать с переживанием, чтобы сохранить его смысл и энергетику и освободить человека от невроза и психоза?

Р.Спектор. Но есть еще и другое. Есть вопрос права. Ты регистрируешь детскую смертность только для тех комочков плоти, которым перевалило за год. До года как бы не считается?

Осознай это. Сопоставь. Вот где фронтиры той неготовности вступить в полноценную, нормальную жизнь.

О.Генисаретский. У тебя есть утверждение права традиции. Конечно. Даже если все этого не выполнят — истина такова. И ты хоть тресни.

У меня есть предложение на этом данную серию обсуждений темы «традиции и образование» закончить. Произвести работу по документированию, изготовить некий текст-полуфабрикат и вернуться к теме после обдумывания уже сказанного.

Можно приобрести:

Г.П.Щедровицкий. Избранные труды. М., 1995.

Г.П.Щедровицкий. Философия Наука Методология. М., 1997.

Г.П.Щедровицкий. Программирование научных исследований и разработок // Из архива Г.П.Щедровицкого. Т. 1. М., 1999

Г.П.Щедровицкий. Начала системно-структурного исследования взаимоотношений в малых группах // Из архива Г.П.Щедровицкого. Т. 3. М., 1999

Вопросы методологии:

1-2'1992; 3-4'1992

1-2'1996; 3-4'1996 (Из архива Г.П.Щедровицкого)

1-2'1997; 3-4'1997.

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции.

Вып. 2 (1995); Вып. 4 (1997); Вып. 5 (1998); Вып. 6. (1999).

А.А.Пископфель. Научная концепция: структура, генезис (историко-методологические очерки развития научного знания). М., 1999.

(Справки: volodrokit@mtu-net.ru)

...подобный подход, потому что, действительно, различные духовные
силы и культуры...

Г.С.Савельевский. В культуре, сознании и школе... Ответственно.

...каждом решении
...Мне совершенно отчет-

...ты со мной сделала ужасное
...М.И.Шеврошкин

...одна внешняя традиция
...Ф.М.Шеврошкин

...с какими реальностями
...М.И.Шеврошкин

...важнейший факт этого переживания
...М.И.Шеврошкин

...вопрос о грехе и воз-
...М.И.Шеврошкин

Научное издание

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 6
Многообразие традиций и единство образовательного пространства
М., 1999

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2

Лицензия ЛР № 020730 от 03.03.1998.

Оригинал-макет: ГЛАВ'артель

Формат 60x90 1/16 Гарнитура Times New Roman
Усл. печ. л. 9,5 Тираж 300 экз.

Отпечатано в ГУП Облиздат
248640 Калуга, пл. Старый Торг 5
Заказ № 160

0, 21. (вернуть)